

Памяти Л. Н. ТОЛСТОГО.

СБОРНИКЪ РЪЧЕЙ,

произнесенныхъ въ торжественномъ
засѣданіи Совѣта Императорскаго
Харьковскаго Университета и Исто-
рико-Филологическаго Общества.

V.N. Karazin Kharkiv National University

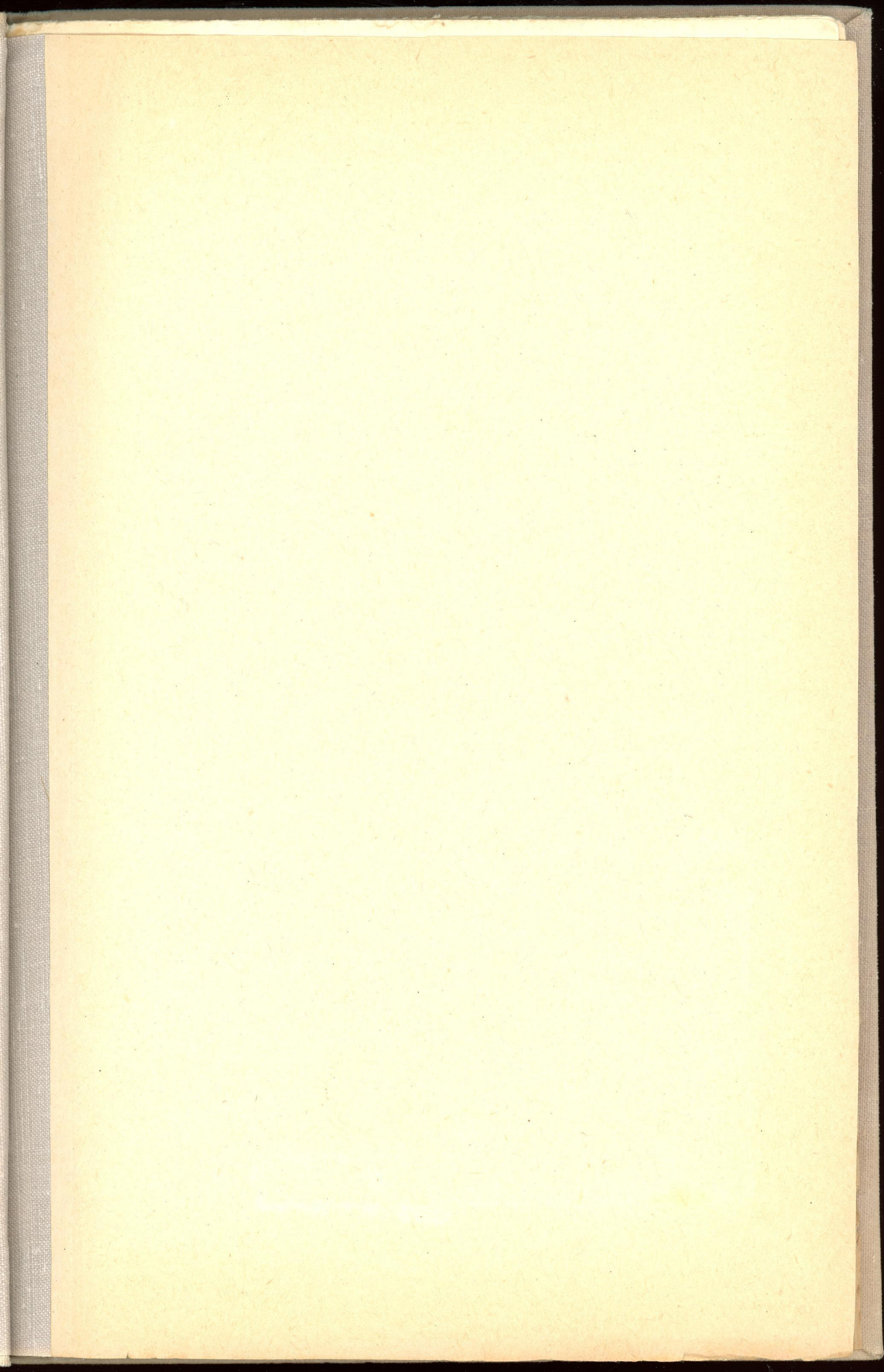

00673796

8

~~484(2) 211[36]~~

4448.4(44kp) 10825

Памяти Л. Н. Толстого

СБОРНИКЪ РЪЧЕЙ,
произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи
Совѣта Императорскаго Харьковскаго Универ-
ситета и Историко-Филологическаго Общества.

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

g-11(2)

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-въ.
Донецъ-Захаржевская, с. д., № 6.
1911.

Проверено
ЦНБ 1939

99 08

84 89

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать и выпустить
въ свѣтъ разрѣшается. Іюня 3 дня 1911 г.

Ректоръ Харьковскаго Университета *Дм. Багалъй.*

73

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Объ избраніи Л. Н. Толстого въ почетные члены Харьковскаго университета	1—IV
1. Исторія въ Л. Н. Толстомъ и Л. Н. Толстой въ исторіи (рѣчь проф. Н. Ф. Сумцова).	1—8
2. Художникъ и моралистъ въ Л. Н. Толстомъ (рѣчь проф. А. П. Кадлубовскаго).	9—18
3. Л. Толстой, какъ художникъ, въ оцѣнкѣ французской критики (рѣчь проф. С. В. Соловьева).	19—29
4. Любовь и правда у Л. Н. Толстого (рѣчь проф. А. Н. Фатѣева)	30—43
5. Историческая параллель. Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой (рѣчь проф. Д. И. Багалъи).	44—51

По полученіи въ Харьковѣ извѣстія о смерти графа Л. Н. Толстого, состоявшаго съ 1884 года почетнымъ членомъ Харьковскаго университета, г. ректоромъ университета Д. И. Багалѣемъ была отправлена вдовѣ покойнаго телеграмма такого содержанія: „Императорскій Харьковскій университетъ, удрученный скорбною вѣстью о кончинѣ великаго писателя русской земли Льва Николаевича Толстого, котораго онъ съ гордостью съ 1884 года видѣлъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ, съ искреннимъ участіемъ присоединяется къ общему горю, постигшему русскій народъ и весь цивилизованный міръ“. 11-го Ноября было созвано засѣданіе университетскаго Совѣта по вопросу о чествованіи памяти Л. Н. Толстого. По открытіи засѣданія Совѣта ректоръ университета Д. И. Багалѣй доложилъ исторію избранія Льва Николаевича почетнымъ членомъ Харьковскаго университета. 12-го Октября 1883 г. профессоръ Деларю обратился къ ректору университета съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „Въ числѣ почетныхъ членовъ нашего университета не мало выдающихся ученыхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; но мы упускали изъ виду нашихъ замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей, составляющихъ славу нашей родины. Кончина И. С. Тургенева можетъ и даже должна напомнить намъ ту надпись, которою французская академія отмѣтила бюстъ Мольера, не удостоившагося при жизни званія члена ея: „Rien ne manque à sa gloire, il manque à la nôtre“ гласитъ эта надпись. Не нуждался, конечно, и покойный Тургеневъ въ званіи почетнаго члена нашего университета, но его намъ недоставало. Мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что не успѣли выразить покойному поэту нашему, насколько цѣнили мы его заслуги и дарованія. Выдающіеся литературные дѣятели должны быть близки и дороги сердцу каждаго просвѣщеннаго человѣка, безъ различія спеціальности. Вотъ почему, хотя и не членъ фило-

логического факультета, считаю я своимъ нравственнымъ правомъ и долгомъ представить Совѣту о возведеніи въ званіе почетнаго члена нашего университета нашего славнаго романиста графа Льва Николаевича Толстого. Указывать на заслуги его, распространяться о его произведеніяхъ, говорить объ особенностяхъ его выдающагося таланта — я считаю болѣе чѣмъ излишнимъ: кто изъ членовъ Совѣта не читалъ съ увлеченіемъ „Войну и Миръ“, „Анну Каренину“, „Дѣтство и Отрочество“. Левъ Николаевичъ Толстой близокъ сердцу каждаго образованнаго русскаго человека, и мы не можемъ не гордиться имъ, не чувствовать потребности выразить ему наше глубокое къ нему уваженіе“. Этотъ рапортъ былъ доложенъ Совѣту, въ засѣданіи 27 октября 1883 года, на которомъ присутствовали слѣдующіе профессора: Щелковъ (проректоръ), Андреевъ, Алексѣенко, Дитятинъ, Безсоновъ, Морозовъ, Загурскій, Брію, Потебня, Деларю, Шимковъ, Сокальскій, Лагермаркъ, Даневскій, Леваковский, Яцуковичъ, Гиршманъ, Кузнецовъ, Владимировъ, Крыловъ, Ковальскій, Кирпичниковъ, Зеленогорскій, Дриновъ, Петровъ, Надлеръ, Бекетовъ, Зарубинъ, Якобій, Данилевскій, Оболенскій и Лебедевъ. Совѣтъ единогласно постановилъ произвести въ слѣдующемъ засѣданіи баллотировку Льва Николаевича. Баллотировка состоялась 17-го ноября, и графъ Толстой получилъ 45 избирательныхъ шаровъ; неизбирательныхъ шаровъ не было. 3-го Февраля 1884 года г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа генералъ-лейтенантъ Максимовскій утвердилъ постановление Совѣта, а 14-го мая графу Толстому былъ высланъ отъ университета дипломъ на званіе почетнаго члена Харьковскаго университета.

По выслушаніи доклада ректора, Совѣтъ перешелъ къ обсужденію вопроса о чествованіи университетомъ памяти Толстого. По предложенію ректора Совѣтъ положилъ: 1) устроить совмѣстно съ Историко-филологическимъ обществомъ торжественное публичное засѣданіе, посвященное памяти Л. Н. Толстого, 2) издать за счетъ университета, особымъ сборникомъ памяти Л. Н. Толстого доклады и рѣчи, которые будутъ произнесены въ этомъ засѣданіи, 3) изготовить мас-

III

ляными красками портретъ Л. Н. Толстого для помѣщенія въ актовомъ залѣ, библиотечномъ или залѣ совѣтскихъ засѣданій, а для выполненія намѣченной программы избрать комиссію изъ членовъ Совѣта. Въ составъ комиссіи, согласно желанію Совѣта, вошли г.г. профессора: Н. Ф. Сумцовъ, В. П. Бузескулъ, А. П. Кадлубовскій, С. В. Соловьевъ, А. Л. Погодинъ, Д. М. Синцовъ, А. Н. Анцыферовъ, Н. А. Максимейко, А. Н. Фатѣевъ и Н. С. Бокаріусъ, а также ректоръ и проректоръ университета.

По докладу комиссіи въ засѣданіи 25-го ноября Совѣтъ университета опредѣлилъ: устроить платное историко-литературное утро въ память Л. Н. Толстого 12-го декабря въ Маломъ Театрѣ и сборъ съ него передать въ пользу Общества помощи недостаточнымъ больнымъ учащимся высшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтомъ было ассигновано изъ средствъ университета 200 рублей на изданіе сборника докладовъ и рѣчей, посвященныхъ Л. Н. Толстому, которые будутъ произнесены на этомъ утрѣ, и 1000 рублей на изготовленіе портрета Л. Н. Ответственнымъ распорядителемъ „Утра“ былъ избранъ проф. Н. А. Максимейко.

Историко-литературное утро состоялось въ 1 часъ дня 12-го декабря по слѣдующей программѣ: Отдѣленіе 1-е. *Marche funèbre Chopin'a*, исп. оркестръ студентовъ. 2) Вступительная рѣчь предсѣдателя Историко-филологическаго Общества проф. Н. Ф. Сумцова: „Исторія въ Толстомъ и Толстой въ исторіи“. Трудность историческаго изученія Л. Н. Толстого. Глубокія связи его съ прошлымъ. Историзмъ въ личности Толстого. Историзмъ въ его творествѣ. Отраженіе въ Толстомъ прогресса общества. Современность, какъ преддверіе будущаго. 3) Рѣчь проф. А. П. Кадлубовскаго: „Художникъ и моралистъ въ Толстомъ“. Связь между двумя половинами дѣятельности Толстого. Моральная основа его великихъ художественныхъ произведеній; объективный и субъективный элементы его творчества; нравственные идеалы и сужденіе о явленіяхъ жизни. Моральная проповѣдь Толстого во вторую половину дѣятельности; роль художественнаго элемента въ эту эпоху. Цѣлостность личности Тол-

стого, его оригинальность и искренность. Проповѣдь простоты, добра и правды. 4) Рѣчь проф. С. В. Соловьева: „Толстой, какъ художникъ, въ оцѣнкѣ французской критики“. Русская литература во Франціи до 70-хъ годовъ XIX вѣка. Первые произведенія Толстого во Франціи („Война и Миръ“, „Анна Каренина“). Отзывъ Флобера о Толстомъ. Ростъ популярности Толстого во Франціи. Мельхиоръ де-Вогюз, Альфонсъ Додэ и Леонъ Додэ о Толстомъ. Вліяніе Толстого на французскую литературу въ 80 и 90 годахъ.

II-е Отдѣленіе. 5) Рѣчь проф. А. Н. Фатѣева: „Любовь и правда у Толстого“. Два типа моралистовъ. Черты любви у Толстого: а) всечеловѣчность, б) непротивленіе. Историческія условія для возникновенія ученія о непротивленіи у Толстого. Правда у Толстого. Его отношеніе къ теоретической и прикладной наукѣ. 6) Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя: „Историческая параллель (Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой)“. Указаніе на отношеніе Л. Н. Толстого къ философу Г. С. Сковородѣ, по свидѣтельству г-на Измайлова; анализъ этого свидѣтельства. Нѣкоторыя черты сходства въ жизни и ученіи г. Сковороды и Л. Н. Толстого.

Утро привлекло много почитателей великаго писателя, заполнившихъ все мѣста театра. Чистый сборъ отъ утра въ суммѣ 750 руб. поступилъ въ пользу Общества вспоможенія больнымъ недостаточнымъ учащимся высшихъ учебныхъ заведеній гор. Харькова.

Исторія въ Л. Н. Толстомъ и Л. Н. Толстой въ исторіи.

(Вступительная рѣчь проф. Н. Ф. Сумцова).

Историко-филологическое общество поручило мнѣ быть его представителемъ въ настоящемъ торжественномъ собраніи въ память гр. Л. Н. Толстого, великаго писателя земли русской, къ вѣщимъ глаголамъ котораго прислушивался весь міръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ лицѣ Л. Н. Толстого въ могилу сошелъ первоклассный историческій дѣятель. Приложение ко Л. Н. историческаго мѣрила въ полномъ объемѣ представляется въ настоящій моментъ невозможнымъ, недостижимымъ. Для вѣрности и полноты опредѣленія историческаго значенія личности или событія необходимо нѣкоторое отдаленіе, перспектива, извѣстный опредѣленный рядъ послѣдующихъ явленій. Л. Н. стоитъ въ настоящій моментъ ко всѣмъ намъ такъ близко вплотную, такъ доминируетъ надъ нами грандіозностью своихъ нравственныхъ требованій и стремленій, что—мы—маленькіе рядовые работники—не въ силахъ охватить его однимъ взглядомъ и дать ему полную оцѣнку. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы робко бѣжали передъ задачей историческаго изученія личности и творчества Толстого. Наоборотъ, нужно немедленно, по свѣжимъ слѣдамъ событій, заняться выясненіемъ историческихъ нитей, связывающихъ современность съ прошлымъ, Толстого старика съ Толстымъ юношей, Толстого религіознаго писателя съ Толстымъ литературнымъ дѣятелемъ, ту общественную среду, которая окружала Толстого въ послѣдніе годы его пророческихъ выступленій, съ той общественной средой, съ тѣми философскими и религіозными воздѣйствіями, которымъ онъ подвергался въ расцвѣтъ

его литературнаго творчества въ 60-хъ годахъ, далѣе, съ той средой, въ которой онъ вращался, какъ молодой храбрый офицеръ, какъ юноша, какъ ребенокъ. Открываются обширныя историческія перспективы, рядъ измѣненій въ настроеніи, въ міросозерцаніи, во внѣшней бытовой обстановкѣ, въ формѣ одежды и въ кругу идей.

Въ личной жизни великаго писателя ярко обнаруживается переходъ отъ аристократизма къ демократизму. Въ молодости Толстой былъ проникнутъ принципами бонтонности и комильфотности въ великосвѣтскомъ салонномъ значеніи этихъ словъ. Въ основѣ поведенія лежали четыре заповѣди: 1) умѣнье чистить ногти, 2) умѣніе „непринужденно“ разговаривать и танцовать, 3) хорошая французская рѣчь и 4), что считалось особенно важнымъ, показной видъ равнодушія и презрѣнія ко всему и ко всѣмъ. Богатый, родовитый графъ Толстой сначала склоненъ былъ дѣлать людей на 3 разряда, люди *comme il faut*, т. е. свой барскій выхоленный на крѣпостномъ трудѣ кругъ, люди не *comme il faut*, чернь, толпа, мѣщанство, не заслуживающее вниманія, и масса остального люда, весь простой народъ, которымъ Толстой сначала мало интересовался. Феодально-аристократическія настроенія Л. Н. съ годами уступили мѣсто прямо противоположнымъ, и въ 80-хъ годахъ, въ расцвѣтѣ литературной славы, авторъ романовъ „Война и миръ“ и „Анна Каренина“ облачается въ поддевку, въ косоворотку, надѣваетъ лапти, пашетъ землю, кладетъ собственноручно печь, отрѣшается отъ своихъ завѣтныхъ наклонностей, наконецъ, уходитъ изъ своего стараго помѣщичьяго дома куда-то въ глубь народа и умираетъ на маленькой желѣзнодорожной станціи. Такъ величественно была разыграна симфонія этой великой жизни. Получилась картина вѣчной неувядаемой красоты, картина непрерывнаго восхожденія на гору жизни, въ высь чистой морали, съ все болѣе и болѣе раскрывающимися горизонтами. Такова наглядная исторія великаго личнаго самоусовершенствованія. Мы видимъ ее и удивляемся; но, по недостатку фактическихъ подробностей, мы еще не можемъ войти въ глубь ея богатаго внутренняго духовнаго содержанія. Когда будутъ изданы письма Л. Н., а ихъ

очень много, и предвидится рядъ изданій, когда будутъ собраны и разобраны всѣ воспоминанія, когда появятся въ печати неизданные рассказы и повѣсти, когда все изданное заграницей будетъ пересмотрѣно русской наукой съ приложеніемъ строгаго научнаго метода, тогда передъ русскимъ образованнымъ обществомъ раскроется въ высокой степени интересная и поучительная страница въ исторіи культуры и просвѣщенія.

Л. Н. въ воспоминаніи о своемъ дѣтствѣ рисуетъ такую картину: двухлѣтній ребенокъ лежитъ въ пеленкахъ, ему тѣсно, непріятно, и онъ кричитъ: „Окружающимъ кажется, говоритъ ребенокъ, что эти пеленки нужны, тогда какъ я знаю—утверждаетъ Л. Н. устами ребенка,—что это ненужно, и хочу доказать это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ... Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ; я, кому она нужна, слабъ, они сильны, и я кричу“. Исторія должна выяснить, какъ Толстой кричалъ во имя свободы, гуманности, любви отъ 2-лѣтняго до 83-лѣтняго возраста, что его мучило, тѣснило, въ какихъ формахъ жизни онъ усматривалъ преуспѣяніе свободы, что содѣйствовало и что препятствовало его проповѣди, на какую общественную почву она падала, и каковы ея реальныя послѣдствія.

Изученіе нравственнаго и философскаго роста Толстого представляетъ громадное значеніе, не только научное, но и общественно-воспитательное. Что вело Толстого къ опрощенію, къ проповѣди? Велъ его большой умъ, но этого мало, вела совѣсть, великая совѣсть. Выше писателя въ Толстомъ сталъ человѣкъ, чрезвычайно чуткій къ велѣніямъ нравственнаго долга, въ поискахъ добра и правды. Толстой чутко прислушивался къ голосу совѣсти и постоянно обращался къ совѣсти людей, къ совѣсти всего человѣчества.

Великое сердце Льва Николаевича съ годами не старѣло, не охлаждалось, наоборотъ; оно все болѣе и болѣе наполнялось чувствомъ любви и состраданія. Графиня Софья Андреевна сообщила, что въ послѣднее время Л. Н. обнаруживалъ большое безпокойство, мучился страданіями крестьянъ и своихъ посѣтителей, часто говорилъ о томъ, „какъ

тяжела жизнь и сколько горя и несчастія вокругъ насъ всѣхъ“. Л. Н. могъ бы не думать о горѣ, о несчастіи, могъ бы бѣжать отъ него въ литературу, религію, и самый возрастъ располагалъ его къ такому рѣшенію; но его любящее сердце влекло его въ глубь страданія.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ женѣ Л. Н. благодарилъ ее за 48-лѣтнія заботы, просилъ прощенія за бѣгство изъ дому и объяснилъ его такъ: „Я не могу больше оставаться въ этой роскоши, поступая такъ, какъ дѣлаютъ старики моего возраста“. Возрастъ былъ очень большой—83 года, но сила духа оказалась еще бѣльшей, и онъ рѣшилъ порвать со всѣмъ прошлымъ, со всѣми завѣтами комильфотности и зажечь новой жизнью простого любовнаго общенія съ міромъ.

Толстой былъ человѣкъ съ исключительно ему свойственнымъ складомъ ума и характера, натура по природѣ сильная, съ явнымъ отпечаткомъ генія. Но всякій человѣкъ, и величайшіе геніи въ томъ числѣ, дитя своего народа и своего вѣка. И Толстой, при всей его своеобразности, имѣлъ своихъ учителей, если не въ школѣ,—пройденная имъ школа была очень слаба, то въ жизни и особенно въ литературѣ. Литература западная, литература русская, литература Востока—это великіе учителя, и всѣ мыслящіе люди волей или неволей являются ихъ учениками, и Толстой имѣлъ своихъ великихъ учителей. Однимъ изъ самыхъ видныхъ учителей его является Руссо. Въ преклонныхъ годахъ, незадолго до смерти Толстой въ письмѣ къ женежскому обществу имени Руссо отмѣтилъ, что главными его наставниками были Руссо и Евангеліе. Ранѣе онъ какъ-то отмѣтилъ, что сочиненія Руссо прочитаны были имъ въ возрастѣ между 14 и 20 годами и произвели на него огромное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что силѣ впечатлѣнія содѣйствовало въ данномъ случаѣ многое, и то, что Толстой ознакомился съ Руссо въ такомъ возрастѣ, когда всякое впечатлѣніе западаетъ глубоко въ душу, и то, что Руссо, какъ большая художественная сила, превосходный стилистъ и гуманный писатель заключаетъ въ себѣ большую долю очарованія, и то, что въ настроеніи Толстого, въ его душевномъ складѣ

было много родственныхъ элементовъ. И вотъ, въ задачу будущихъ историковъ входитъ опредѣленіе литературныхъ вліяній на Толстого вообще, вліянія Руссо, какъ мыслителя, въ особенности. Нужно опредѣлить, гдѣ у нихъ случайное совпаденіе въ мысляхъ, и гдѣ мысль Толстого идетъ по слѣдамъ мысли его великаго предшественника и въ зависимости отъ него ¹⁾).

Есть пункты чрезвычайнаго совпаденія Толстого съ Руссо, напр., во взглядѣ ихъ на значеніе науки, искусства, общенія съ внѣшней природой, ручного труда, въ отдѣленіи морали отъ вѣры; у Толстого еще болѣе рѣшительности и отрицанія, чѣмъ у Руссо; они оба иногда впадаютъ въ противорѣчія; при ближайшемъ разсмотрѣніи и въ самихъ ихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о значеніи науки и искусства есть много поразительныхъ по сходству совпаденій.

Отъ Руссо въ приложеніи къ Толстому можно сдѣлать скачекъ къ русскимъ религіознымъ сектантамъ, къ отдѣльнымъ выдающимся ихъ представителямъ—Бондареву, Сютяеву, которыми Л. Н. живо интересовался, бесѣдовалъ съ ними, писалъ о нихъ, иногда увлекался нѣкоторыми ихъ мыслями и настроеніями. Этотъ интересъ Толстого связываетъ его съ старыми теченіями русской религіозной мысли.

Толстой, съ одной стороны, является величайшимъ представителемъ русской литературы XIX ст., великолѣпнымъ завершеніемъ блестящей эпохи Тургенева, Салтыкова и Достоевскаго, съ другой—величайшимъ представителемъ русской философской мысли. Съ Толстымъ должны считаться историки литературы, историки философіи, историки культуры, историки церкви; для всѣхъ въ его личности и въ его произведеніяхъ скрывается богатый матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ изученій. Какъ Толстой въ разные періоды своей жизни подходилъ къ литературѣ и ея главнымъ дѣятелямъ, напр., къ Пушкину, Тургеневу, Горькому, Чехову, какъ отражалась его личность и его ученіе въ искусствѣ, напр., у Ге, Рѣпина—все это достойное историческаго изученія.

¹⁾ Краткія указанія въ книгѣ Цертелева о Толстомъ 1889 г. и въ кн. Розанова о Руссо 1910 г.

Вообще, нужно признать, что исторіи въ Толстомъ очень много, и изученіе Толстого съ этой точки зрѣнія представляетъ громаднѣйшій интересъ. Но не меньшій интересъ представляетъ и другая сторона—опредѣленіе значенія Толстого въ исторіи. Нельзя заранѣе предвидѣть, что дастъ его великая личность и великій трудъ будущимъ поколѣніямъ. Несомнѣнно, что Толстой чрезвычайно много уже сдѣлалъ для настоящаго времени; онъ широко раздвинулъ умственные и нравственные интересы современнаго образованнаго общества.

Росъ Толстой, росло и русское образованное общество, но, разумѣется, далеко не въ соотвѣтствующей пропорціи. Если личности трудно развиваться при наличности многочисленныхъ ограниченій и стѣсненій, то обществу еще труднѣе съ ними бороться, тѣмъ болѣе трудно, что начало традиціонной косности въ обществѣ заложено гораздо глубже, чѣмъ въ личности. Общество въ большей или меньшей степени всегда и неизбѣжно консервативно, особенно малокультурное общество русское; и потому оно часто и тяжело страдаетъ отъ рецидива обскурантизма и реакціи.

Чтобы иллюстрировать культурный ростъ русскаго общества, можно привести одинъ краснорѣчивый примѣръ. Въ 1837 г., когда Л. Н. Толстому шелъ десятый годъ, скончался величайшій его предшественникъ въ литературѣ А. С. Пушкинъ, скончался въ его лицѣ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, глубокій гуманистъ, человѣкъ, который въ „жестокій вѣкъ“ возславилъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ, тотъ Пушкинъ, который въ 1827 г. въ „Посланіи въ Сибирь“ ободрялъ декабристовъ, „что оковы тяжкія падутъ“. Какъ отнеслось общество къ кончинѣ великаго поэта, къ его художественнымъ и гуманнымъ произведеніямъ, только что вышедшимъ въ полномъ собраніи? Пушкина пожалѣли нѣсколько его друзей, и только. Общество осталось глухо и нѣмо. Всплылъ даже такой удивительный фактъ, возможный только въ русской жизни при ея противорѣчіяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Блудовъ, изъ чувства стараго расположенія къ Пушкину по совмѣстному участію въ литературномъ обществѣ Арзамасъ,

Блудовъ принялъ официальные мѣры для распространенія сочиненій Пушкина, для продажи ихъ въ пользу осиротѣлой семьи поэта. Губернаторамъ было сдѣлано соотвѣтствующее предложеніе и разосланы подписные листы. Губернаторы направили ихъ къ исправникамъ. Заработалъ могущественный административный механизмъ, и получилось, при общественномъ равнодушіи, *parturient montes, nascitur ridiculus mus*, т.-е. мизерный результатъ. Въ Псковѣ не нашлось ни одного покупателя. Аккерманскій исправникъ писалъ, что онъ старался согласовать дворянъ, чиновниковъ и купцовъ для покупки сочиненій господина Пушкина, но желающихъ не оказалось. Въ Кишиневской губ., въ которую входилъ Аккерманскій уѣздъ, было продано всего 18 экземпляровъ, причемъ покупателями оказались большей частью чиновники канцеляріи губернатора. Ярославскій губернаторъ изъ присланныхъ ему 50 экз. могъ сбыть только 11, а остальные 39 вернулъ обратно. Но прошло полвѣка, и 10-ое изданіе полного собранія сочиненій Толстого расходуется въ количествѣ 80 тыс. экз., „Хозяинъ и работникъ“ въ отдѣльномъ изданіи разошелся въ количествѣ 200 тыс. экз., „Чѣмъ люди живы“—150 тыс. экз.; проходятъ еще 20, 30 лѣтъ, и наследникамъ Толстого предлагаютъ 1,300,000 руб. за право перваго посмертнаго изданія. Разница не въ талантѣ, и Пушкинъ большой талантъ; разница не въ одномъ направленіи, и Пушкинъ великій дѣятель просвѣщенія и гуманизма. Главная причина такой колоссальной разницы лежитъ въ сравнительно большей привычкѣ общества къ Толстому, въ особенности въ сравнительно гораздо большемъ культурномъ ростѣ самого общества. Безъ внѣшней указки и безъ благословенія оно окрѣпло и созрѣло до сознанія важнаго значенія писателя, до признанія его культурныхъ заслугъ. Въ этомъ ростѣ общественнаго самосознанія Л. Н. Толстой сыгралъ великую роль. Онъ сталъ на стражѣ высшихъ нравственныхъ интересовъ, пошелъ смѣло къ отрицанію и къ творчеству, не считаясь съ традиціями, онъ выступилъ страстнымъ поборникомъ общественной совѣсти и общаго блага; общество за то отдало Льву Николаевичу глубочайшее сочувствіе и поставило его въ ряды главныхъ учителей жизни.

Въ новое время установилось мнѣніе, что въ Толстомъ не было рѣзкихъ перемѣнъ, и что проповѣдникъ и моралистъ въ лицѣ Толстого обнаруживается уже съ первыхъ его литературныхъ выступленій. Но самъ Толстой былъ другого мнѣнія. Въ послѣднемъ письмѣ къ женѣ онъ писалъ: „Я хорошо знаю, какъ я измѣнился“, и мы должны повѣрить Толстому. Онъ дѣйствительно измѣнился, постепенно измѣнялся, и все въ смыслѣ расширенія интересовъ жизни, углубленія ихъ и очищенія въ горнилѣ совѣсти. Съ теченіемъ лѣтъ чувство и сознаніе любви все болѣе и болѣе росли въ Толстомъ; они облеклись въ форму педагогической дѣятельности; они вылились въ художественной формѣ; они поднялись въ трудно доступную высъ религіознаго ученія; они выливались на практикѣ въ помощи голодающимъ, въ защитѣ духоборовъ, въ видѣ дружескихъ бесѣдъ, писемъ, воззваній и обращеній во имя состраданія и любви. Толстой все измѣнялся, все росъ; вмѣсто стараго трепетнаго сердца въ его груди все болѣе пылалъ источникъ новой лучшей жизни; единымъ лозунгомъ его стала любовь, а съ такимъ лозунгомъ, такому большому кораблю какъ Левъ Толстой предстоить великое историческое плаваніе. И уже теперь далеко опередившій насъ Западный культурный міръ ставитъ ему въ городахъ памятники и называетъ его именемъ главныя улицы. Пусть, молъ, люди ходятъ по нимъ съ памятью о нестарѣющей совѣсти, съ сознаніемъ нравственнаго долга, въ примѣръ великаго русскаго писателя, чуткая дѣятельная совѣсть котораго требовала безконечнаго улучшенія.
